

Инна Сергиенко

ОТ ВЕСНЫ К ВИЛЛИСЕ: СВЕТЛАНА В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1950-х —1980-х гг.

Имя *Светлана*, обязанное своим происхождением литературной традиции, занимает особое место в русской культуре. В детской литературе первыми произведениями, в которых появляется героиня с этим именем, стали стихотворение С. Михалкова «Светлана» (1935) и повесть А. Гайдара «Голубая чашка» (1936). С конца 1930-х годов имя *Светлана* вошло в антропонимикон отечественной детской литературы, проделав путь от исключительного до распространенного, и послужило основой ряда устойчивых мотивов. Часть из них детально рассмотрена в книге Е. В. Душечкиной «Светлана. Культурная история имени» (2007), равно как и ранний этап (1930–1950-е годы) вхождения этого имени в детскую литературу. Задача моей статьи заключается в том, чтобы расширить и дополнить изыскания исследовательницы¹.

Рубежом в имянаречении героинь детской литературы Светланами можно считать начало 1960-х годов: во-первых, к этому периоду имя *Светлана* из категории особых и редких имен переходит в разряд распространенных², во-вторых, в детской литературе периода Оттепели происходят процессы, приводящие к обновлению и расширению ее границ. Жесткая идеологическая заданность и дидактизм детской литературы послевоенного сталинского периода отходят в прошлое, унося с собой клишированные образы «положительных» и «отрицательных» героев. Меняется позиция автора детской книги, трансформируясь из менторской в дружескую, иной становится интонация, смещается фокус повествования, все чаще функция нарратора делегируется герою-ребенку, мир детства становится легитимным предметом художественного изображения и поэтизируется. Наречение *Светланами* / *Светами* героинь детской и подростковой литературы этого периода (оговорюсь, что здесь и далее речь идет исключительно о прозе) также свидетельствует о переходе от «сталинского классицизма» к романтическому полководью Оттепели³.

¹ Поиски произведений осуществлялись на основе Деткорпуса (<http://detcorpus.ru>).

² См. Сулова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л, 1991; Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике. Волгоград, 2017.

³ Подробнее о «романтизме» и «романтике» в культуре Оттепели см. Майофис М. «Этот стиль близок миллионам читателей...». Переосмысление понятия «романтический» в советской культуре 1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2021. №4 (170). С. 129–146.

Светланы в детских книгах конца поздней сталинской эпохи и начала Оттепели — практически без исключения идеальны, будь это школьницы и взрослые в повестях Л. Кассиля («Улица младшего сына», 1949), Г. Матвеева («Первая весна», 1952; «Семнадцатилетние», 1954), Н. Артюховой («Светлана», 1955), И. Раковской («Школьная парта», 1956), Э. Эмден («Школьный год Марины Петровой», 1952; «Приключения маленького актера», 1958), В. Добрякова («Король живет в интернате», 1961), Я. Ларри («Записки школьницы», 1961), Р. Торбан («Заколдованная палата», 1962) или маленькие девочки в рассказах С. Баруздина («Про Светлану», 1951) и Я. Тайца («Приказ», 1954). Они описаны по лекалам соцреалистического канона в соответствии с представлениями о «положительном герое», образ которого должен быть типичным, вдохновляющим и демонстрирующим лучшие черты советского человека. Так, например, в сборнике рассказов М. Дубянской «Разговор по душам» (1956), написанных в назидательно-нравоучительном ключе, героини-школьницы выступают в качестве носителей различных «детских пороков» — легкомыслия (Дуся и Капа), высокомерия (Нина), эгоизма (Витя и Жора), хвастовства и вранья (Миша), веры в приметы (Соня), начетничества (Костя), а Светланой названа одна из немногих положительных героинь⁴. «Поразительна устойчивость образцовых качеств <...> всех этих литературных Светлан, — замечает Е. В. Душечкина, — качеств, проявляющихся в них с самого раннего возраста. Все эти Светланы-Светы повестей и рассказов для детей и подростков 1950-х — 1960-х годов являются свидетельством того, что их авторы воспринимали имя Светлана как имя по настоящему *хорошее*, “правильное”, а его носительниц изображали достойными этого “правильного” имени»⁵.

Характерно описание их внешнего облика, где обыгрываются различные положительные коннотации понятий «свет» и «светлый», а также подчеркивается легкость и изящество героинь: «До чего же хороша была в этой сцене Светлана Смирнова!»⁶ Она вбежала в приготовленный для нее Володей луч, такая легонькая вся, воздушная, словно сама возникла из света и роящихся в нем радужных пылинок»⁷. Светланы являются в лучах солнца, в свете звезд, их глаза и улыбки сияют и сверкают, их стихия — весна: «Андрей молча смотрел на нее. И то ли ему привиделось, то ли отразились далекие звезды в ее широко раскрытых глазах, но ему показалось, что в них светятся голубые искорки. <...> У Светланы от смеха, песен и свежего ветерка так покраснелись щеки, так сверкали глаза, что хоть поднимай ее вместо транспаранта и неси, показывай всем!»⁸; «На хрустящих от крахмала чехлах дивана еще нет ни одного пятнышка. И в пионерской одна Светлана Ивановна. Она — как весна.

⁴ Дубянская М. Разговор по душам. М., 1956.

⁵ Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. С. 130–131.

⁶ Эта героиня имеет реальный прототип — Светлана Смирнова, одноклассница пионера-героя Володи Дубинина, ставшая одной из информанток Л. Кассиля. См. Попов А. Документальность образа Володи Дубинина в повести Л. Кассиля и М. Поляновского “Улица младшего сына” (по новым архивным источникам) // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции “Военно-исторические чтения”. Симферополь, 2020. С. 283.

⁷ Кассиль Л. Улица младшего сына. М., 1949. С. 197.

⁸ Добряков В. Король живет в интернате. Киев, 1961. С. 199.

Радостная, сияющая»⁹. В повести М. Ефетова «Света и Камила» (1962) «световые» коннотации имени главной героини перекликаются с праздничным салютом. Света — маленькая жительница Сталинграда, чудом выжившая во время Сталинградской битвы, не помнит своего дня рождения, и его назначают «приказом по части». «Конечно, можно было бы выбрать любое число, но полковник Кубанов решил выбрать для этого дня большой праздник — праздник Октября. И вот теперь всегда в день рождения Светланы всё небо в ярких огнях праздничного салюта»¹⁰. Даже авторы, скупко использующие метафоры, в случае со *Светланой* позволяют себе обыграть семантику этого имени — так, в повести Г. Матвеева «Семнадцатилетние» под взглядом героини, получившей письмо от юноши, в которого она влюблена, зажигаются огни фонарей: «...Они залили светом весь Невский проспект и в одно мгновение изменили облик города. Это было неожиданно и так соответствовало внутреннему состоянию Светланы, что она остановилась. <...> Всюду, куда бы она ни взглянула, все горело, отсвечивало, блестело, сверкало. В окнах магазинов ослепительно сияли красным, зеленым, голубым светом слова реклам. Блестели кузова автомашин, отражая тысячи огней. Сверкали стеклянные вывески. Даже скользкие тротуары, еще не посыпанные песком, блестели»¹¹. Брат Светланы ласково называет сестру домашним именем Свечка, а рассердившись, восклицает: «Ты не Свечка, а Огарок какой-то!»¹²

Во второй половине 1960-х гг. *Светланы* — как и положительные герои детской и подростковой литературы в целом — утрачивают образцово-показательные черты, им позволяется иметь недостатки, быть несовершенными, выходить за рамки устойчивых норм. Так, В. Бахревский описывает в своей одноименной повести Светку-сорванца, «бузотерку, грубиянку»¹³, Ю. Ермолаев — застенчивую, робкую «мышку-норушку» Свету Мохову¹⁴, А. Котовщикова — маленькую Светку-двоечницу¹⁵. В школьной повести Л. Никольского «медовая» и «золотая» (по мнению родственниц) Светлана в глазах брата и одноклассников превращается в «обычную рыжую»¹⁶, а то и вовсе в «красный гриб»¹⁷. Поэтические коннотации имени все еще сохраняются, например, Е. Титаренко в повести «Открытия войны», изображая деревенскую кокетку Светку, вскользь замечает: «глаза, что твой самоцвет»¹⁸, но могут быть приглушены, снижены или проигнорированы.

Особняком в этом ряду стоит повесть Е. Макаровой «Через каждые шесть дней воскресенье», написанная, по свидетельству автора, в 1968 году, но опубликованная

⁹ Торбан Р. Заколдованная палата. Липецк, 1962. С. 100.

¹⁰ Ефетов М. Света и Камила. М., 1962. С. 53.

¹¹ Матвеев Г. Семнадцатилетние. М., 1954. С. 410–411.

¹² Матвеев Г. Семнадцатилетние... С. 389.

¹³ Бахревский В. Светка. М., 1966. С. 66, 68.

¹⁴ Ермолаев Ю. Можете нас поздравить! М., 1965.

¹⁵ Котовщикова А. Кутерьма // Котовщикова А. Нитка кораллов: Рассказы. Л., 1969.

¹⁶ Никольский Н. «Ракета» выходит на орбиту. Л., 1966. С. 7.

¹⁷ Никольский Н. «Ракета»... С. 17.

¹⁸ Титаренко Е. Открытия, войны, странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землёй. Воронеж, 1966. С. 14.

только в 1978 году. В момент сочинения повести Елене Макаровой было 16 лет — ее проза сочетает в себе черты наивного письма и первых литературных опытов будущей профессиональной писательницы. Сюжет повести автобиографичен: главная героиня, девочка-подросток по имени Лена, рассказывает о своем пребывании в больнице для детей с тяжелыми заболеваниями опорно-двигательной системы. Описание замкнутого мирка больницы, в котором живут герои, отчужденные своими увечьями от «внешнего» мира, беглые наброски характеров девочек и персонала служат фоном для появления главной героини — «красавицы-калеки» Светочки, которая с первого взгляда завладевает чувствами Лены. Появившаяся неизвестно откуда Света резко выделяется на фоне остальных — необычна ее красота, умение держаться, литературная речь, ироничность, обращение к другим девочкам на «Вы», занятия шахматами, трость для ходьбы вместо палки — девочки дразнят ее «кривлякой» и «денди»¹⁹. Однако «Элен», как называет Света главную героиню, очарована подругой — в ней она видит настоящую романтическую героиню, гордую, бунтующую, имеющую мужество смотреть в лицо фатуму. Вряд ли имя героини — *Светлана* — выбрано юной писательницей в контексте его литературной истории, скорее оно может совпадать с именем прототипа²⁰ или быть связано с ним какой-либо аллюзией. Но нельзя не отметить, что со Светланой и в этом — достаточно специфическом — произведении связан мотив света, в данном случае — отраженного, искусственного: Светочка не расстается с карманным зеркальцем и дарит его подруге, перед тем как внезапно и бесследно исчезнуть. «Прощайте, Элен» — записка, оставленная Светочкой, разбросанные по тексту намеки (например, параллели с судьбой Марины Цветаевой, стихи которой подруги переписывают из «дефицитной» книги), позволяют судить о том, что девочка решается на самоубийство, становясь одной из самых трагических героинь в череде советских *Светлан*.

Вопрос о том, когда в советской детской/подростковой литературе появилась отрицательная героиня, названная *Светланой*, заставил обратить внимание на небольшую повесть Г. Демькиной «Как тесен мир» (1968), одна из сюжетных коллизий которой строится на соперничестве и противостоянии героинь по имени Светлана и Ада. В начале повести Светлана описывается в рамках канона носительницы «хорошего имени»: «В ней было что-то взывавшее к доброте и к помощи <...> хрупкость плеч и рук, вкрадчивость движений, беспомощная ее красота: таких девушек похищали, спасали, из-за них убивали друг друга на дуэли»²¹. Но постепенно автор развенчивает Свету, показывая ее ограниченность, самовлюбленность, черствость и заурядность, и в конце повести, полностью лишив свою героиню притязаний на этичность, сравнивает ее, «хорошенькую, оживленную», с «бабочкой или цветком»²². Ада, которая выступает в роли этического камертона, напротив, подчеркнута

¹⁹ Макарова Е. Через каждые шесть дней воскресение // Макарова Е. Катушка. М., 1978. С. 36, 49.

²⁰ Например, имя матери героини (Инна) совпадает с именем матери писательницы — поэтессы Инны Лиснянской.

²¹ Демькина Г. Как тесен мир. М., 1968. С. 69.

²² Демькина Г. Как тесен мир... С. 131.

некрасива (и хромонога), но благодаря внутренней силе одерживает не только моральную, но и любовную победу над соперницей²³. «Световые» мотивы сопровождают и эту Светлану, но в травестирированной форме — она записывает в свой девичий альбом стихи Эдуарда Асадова: «просто где вспыхнул сердечный накал, / там отменяется правда зеркал, просто весь мир озаряется там / радужным, синим, зеленым...»²⁴ Эти строки, равно как и весь модус поведения Светы, стремящейся следовать моделям конвенциональной женственности, вызывают у интеллектуалки Ады резкую насмешку, что позволяет говорить о социальной маркированности оппозиции популярного имени *Света* и редкого *Ада*.

Светланы детской литературы 1970-х годов — преимущественно учительницы, и учительницы молодые: увлеченные своей профессией Светлана Семеновна (Ю. Томин, «Восемь дней в неделю», 1970); Светлана Георгиевна (Г. Галахова, «Поющий тростник», 1974) и Светлана Петровна (Г. Михасенко, «Милый Эп», 1974); профессионалы Светлана Сергеевна (Н. Коршунов, «Подростки», 1975) и Светлана Леонидовна (Г. Галахова, «Невозможный Кукушкин», 1978), антагонистка-функционер Светлана Михайловна («Доживем до понедельника», 1970) — так представлено военное и первое послевоенное поколение *Светлан*. Героини-девочки зовутся уже почти исключительно *Светами*, *Светками*, *Светулями* или носят какие-либо прозвища (например, в повести С. Соловейчика «Ватага “Семь ветров”» (1979) старшекласницу Свету Богомолу зовут «Боша»). Широкое распространение имени аннулирует его жесткую корреляцию с каким-либо определенным литературным типажом: в детской и подростковой прозе поздней советской эпохи встречаются Светы, живущие в городе и в деревне, дошкольницы, старшекласницы, студентки, первые красавицы, отличницы, двоечницы, тихони, сорванцы. Упоминание репутации имени как «хорошего, светлого» встречается редко, в основном в творчестве писателей, родившихся в довоенное время. «Света! Если бы такого имени не существовало, я бы сама придумала его для нее — такая она была ясная: вся из света, его искорки, пылинки, колыханий и переливов»²⁵, — восклицает главная героиня автобиографической повести Л. Румарчук «Зеленый велосипед на зеленой лужайке» (1979). «Какая она беленькая, нежная — настоящая Светлана. А глаза? Не глаза — озера!»²⁶ — говорит о своей подруге героиня другой автобиографической повести — «Легенда об учителе» Г. Севериной. Это произведение примечательно еще и тем, что задает ономастическую загадку: в повести рассказывается о компании подростков (среди которых и Светлана), заканчивающих одну из московских школ в середине 1930-х годов. Автор оговаривается, что к моменту начала войны её героям исполняется двадцать четыре года, следовательно, они, как и автор книги, Галина Северина, родились в 1917 году. Имянаречение девочки, рожденной в 1917 году, Светланой

²³ Мотив противостояния героини невзрачной, но «духовно красивой», и внешне красивой, но внутренне безобразной будет развернут в повести В. Железникова «Чучело» (1981).

²⁴ Демькина Г. Как тесен мир... С. 79.

²⁵ Румарчук Л. Зеленый велосипед на зеленой лужайке // Румарчук Л. Единственное лето. М., 1979. С. 130.

²⁶ Северина Г. Легенда об учителе. М., 1979. С. 21.

маловероятно, особенно если учесть то, как описан отец Светланы — «старорежимный инженер», не позволивший своей дочери вступать в пионеры²⁷. Возможно, автор повести пошла по пути хронологического выбора имени для своей героини, желая подчеркнуть ее «мягкость, чуткость, всеобъемлющую доброту»²⁸, или не ставила своей целью соблюдение ономастической достоверности.

«Кризис ожиданий», характеризующий социальную жизнь и культуру эпохи застоя, выразившийся, по мнению некоторых экспертов, в «неосознанном коллективном проживании утраты, потери, травмы»²⁹, в детской литературе привел к смене основной палитры красок её поэтики — от предписанно светлой, солнечной, оптимистической к сумрачной и тревожной, сгущающейся к определенному моменту до так называемой «чернухи». В реалистической прозе для детей и подростков все более заметное место стало занимать изображение социального, нравственного и даже бытийного неблагополучия, несмотря на то, что обращение к подобной проблематике нередко продолжало оцениваться официальными инстанциями и лояльными категориями взрослых читателей как «очернительство». Образы *Светлан* детской литературы 1980-х годов (причем как обращенной к подросткам, так и адресованной младшим читателям) вполне убедительно иллюстрируют эти трансформации.

Самым простым дидактическим мотивом выступает здесь хрестоматийный для детской литературы прием изображения героини, чья внешняя привлекательность и обаяние не совпадают с ее личными качествами. Такова, например, героиня повести для подростков Н. Никонова «Мой рабочий одиннадцатый» (1980) Света Осокина — «яркая девчонка с черными стрелками век. <...> Глаза так и жгут, а губы смеются»³⁰. Рассказчик не скупится на эпитеты, описывая красоту девушки: «хороша! Похожа на газель и на Наталью Гончарову», замечая, впрочем, что «яркая уж чересчур»³¹. Бойкую и неглупую девушку губит алчность, тяга к деньгам, унаследованная из семьи, «огни колец и браслетов в витрине ювелирного магазина, где <...> дышало, светило, манило к себе тягучее, сияющее золото»³². Света совершает хищение на работе и попадает на скамью подсудимых. Однако автор не лишает читателя надежды на возрождение героини — «рабочий одиннадцатый» берет её на поруки, а повествователь замечает: «И в то же время по-прежнему оставалась она тайно страдающей, никого и никак не могла она найти из тех, кого ждала и кому хотела бы излить свою душу»³³. Характерно, что в произведении для читателей более младшего возраста — повести Л. Матвеевой «Мы в пятом классе» (1982) героиня схожего типажа («красавица с нравственным изъяном») изображается лишенной светотени и перспективы

²⁷ Северина Г. Легенда об учителе... С. 20.

²⁸ Северина Г. Легенда об учителе... С. 20.

²⁹ Кукулин И., Липовецкий М., Майофис М. От составителей // Веселые человечки. Культурные герои советского детства. М., 2008. С. 4.

³⁰ Никонов Н. Мой рабочий одиннадцатый: Повесть, рассказанная классным руководителем. М., 1980. С. 27.

³¹ Никонов Н. Мой рабочий одиннадцатый... С. 27.

³² Никонов Н. Мой рабочий одиннадцатый... С. 177.

³³ Никонов Н. Мой рабочий одиннадцатый... С. 180.

нравственного пробуждения. «Королева класса» Света Королёва представлена холодным и расчетливым манипулятором, несмотря на то, что в описании ее образа задействованы положительные «световые» коннотации, — девочка появляется перед читателем на залитом весенним солнцем дворе, в тот момент, когда «яркий, горячий, солнечный зайчик прыгает по Светиным глазам»³⁴.

Было бы преувеличением утверждать, что связь «световой» омонимии и приемов описания героинь по имени *Светлана* в текстах советской детской литературы универсальна, однако она достаточно частотна, чтобы говорить об устойчивом мотиве. В самой прямолинейной его трактовке *Света* — это *свет*, и если говорить о детской литературе 1980-х годов, то этот свет неумолимо гаснет. Например, второстепенная героиня повести И. Зюзюкина «Из-за девчонки» (1983) — «Света Зарецкая обладала, пожалуй, самой яркой наружностью в восьмом “А”. На нее, как на лампочку в пятьсот ватт, нельзя было долго смотреть — до того красивы и загадочны были ее огромные, чуть навывкате глаза»³⁵. Сравнение с лампочкой уже компрометирует героиню, а автор говорит о её неуверенности и тревожности в попытках сохранить эту «ослепительную» идентичность: «...она больше других девчонок в классе была озабочена внешностью. Все знали: чтобы не располнеть, как ее мать, Света уже с шестого класса села на диету. На переменах она общалась главным образом с зеркальцем: карандашиком подводила глаза, втирала в щеки какие-то кремы...»³⁶ Сияющая Света оказывается отвергнутой, уязвимой — одноклассник, в которого она влюблена, увлечен другой девушкой, а аллюзия на басню Крылова («Играй, Светик, не стыдись!») — обращается к ней главный герой в своем внутреннем монологе) дополняет трагикомичность этого образа.

Мотив света развернуто и отчасти даже намеренно использован в повести Л. Симициной «Кривой четверг» (1988). Её героиня, шестнадцатилетняя Света, живет в небольшом южном городке в семье алкоголиков. Её окружает убогий быт, глухое безвременье (рассказ о молодости родителей, пришедшейся на военные годы, позволяет судить о том, что действие происходит в шестидесятые годы), распад семьи и домашнего уклада, деградация матери и отца. Главная цель Светы — вырваться отсюда, прожить иную, чем у родителей, жизнь, к чему она прилагает все силы: «И Света не без гордости подумала о том, что вот сумела же она, несмотря на всю мерзость в доме, приблизиться к своей цели, к своему идеалу. <...> она как ныряльщик, которому не хватает дыхания, стремилась изо всех сил туда, наверх, где прозрачная голубизна воздуха, где мирно сидящие на берегу люди и не подозревают, что скрыто под толщей воды. Она с усилием выгребала вверх, к совершенству, к свету, к солнцу, и теперь ей осталось сделать последний рывок»³⁷. *Чистота, красота, свет* становятся основными темами в мечтах героини. Девушка со страстью изучает немецкий язык, связывая с его знанием свои надежды на будущее, и читает роман

³⁴ Матвеева Л. Мы в пятом классе. М., 1982. С. 12.

³⁵ Зюзюкин И. Из-за девчонки. М., 1982. С. 67.

³⁶ Зюзюкин И. Из-за девчонки. С. 67.

³⁷ Симицина Л. Кривой четверг. М., 1988. С. 8.

о рыцаре Парсифале, ищущем Святой Грааль (одним из канонических образов которого является сияющая, источающая свет чаша). Света считает и себя паладином, взыскующим Света и Совершенства, и часто размышляет об этом: «И только звёзды над головой... Они как дырочки в темном бархате неба. Там, за этим занавесом, сияет пронзительно яркий ослепительно чистый свет неведомого мира. Здесь ночь, а там вечный свет, сияние которого только и видно что сквозь эти случайные прорехи. Но от идущего оттуда света на душе отчего-то становится лучше»³⁸. Но мечтам не дано сбыться: Света не обладает одной из обязательных добродетелей рыцарей Грааля — милосердием. Отказывая родителям в праве на человеческий облик, она оставляет без помощи умирающую мать, слепнушую от выпитого денатурата. Став невольной виновницей ее смерти, героиня все же встречается со «Светом», которого она так ждала, — но это не благой свет совершенства, а вспышки молний: «В правой половине неба, будто разорвали черную материю, хлынул ослепительный свет, послышался сухой треск, и тут же в образовавшуюся прорезь полил дождь»³⁹. Открытый финал позволяет предположить, что Света может повторить судьбу своей матери — «тоненькой девушки в светлом платье с белым пояском <...>, легко пошедшей по грязной дороге»⁴⁰. Тьма распада крепко держит героев, и Света оказывается слишком «несовершенной», «тусклой», чтобы вырваться из замкнутого круга.

Не тьма, но смерть сопутствует одной из последних героинь советской подростковой прозы, названной Светланой. Речь идет о повести Ю. Короткова «Виллиса» (1989), описывающей — в нарочито огрубленной и упрощенной манере — жизнь учениц балетного училища. Светлана Середа — лидер балетного класса: «Только Света неизменно стояла в центре. Она была не просто первой — единственной, выше оценок, экзаменов, интриг педагогов и богатых родителей, всей околбалетной суеты, — потому что такой балериной можно только родиться. Она танцевала так же естественно, как ходила или смеялась»⁴¹. На фоне соучениц, чьи образы представлены гротескно примитивными, Света выделяется не только своим даром, но и минимальной прорисовкой внутреннего мира — она радуется весне, любит осень, погружается в грезы. Русоволосая, «высокая и статная», «романтическая»⁴², безмятежно неуязвимая для ненависти и сплетен, эта Светлана кажется наследницей «хороших Светлан» из литературы послевоенных лет и ранней оттепели. Однако героиня обречена авторским произволом на символическую гибель. Светлана получает партию Мирты — предводительницы мертвых девушек в балете «Жизель». Но триумф появления в этой роли не состоится — юная балерина внезапно тяжело заболевает. Свой уход из балета она переживает как символическую смерть — целыми днями лежит «безжизненно-неподвижно»⁴³, так, что в какой-то момент подруги принимают

³⁸ Синицина Л. Кривой четверг... С. 13.

³⁹ Синицина Л. Кривой четверг... С. 88.

⁴⁰ Синицина Л. Кривой четверг... С. 85.

⁴¹ Коротков Ю. Виллиса // Коротков Ю. Абориген. М., 1989. С. 83.

⁴² Коротков Ю. Виллиса. С. 83.

⁴³ Коротков Ю. Виллиса. С. 104.

её за умершую. Уезжая из училища, Света прощается с девочками в «гробовой тишине <...>, равнодушно глядя на них неживыми глазами»⁴⁴. Изгнанная из мира балета, Светлана-весна перестает быть собой и развоплощается.

Заманчиво было бы усмотреть в трансформациях героинь аллюзии на советский проект, воплощаемый в 1950–60-х годах в образах сияющих и безупречных Светлан и превратившийся в итоге своего развития в «мертвую невесту», призрак⁴⁵, но такое обобщение, вне рамок более развернутого исследования, все же представляется преждевременным. Отметим лишь, что в детской литературе рубежа советской и постсоветской эпох главных героинь по имени Светлана не наблюдается, и это происходит в период, когда российская детская литература берет паузу, реагируя на демонтаж советской системы и наступление новой реальности, весьма обнадеживающей для представителей некоторых страт, но в целом чрезвычайно травматичной. В изобилии Светланы вновь появляются в российской детской литературе в 2000-е годы: героини с таким именем встречаются практически во всех жанрах, а в некоторых текстах представлена и их рефлексия по поводу репутации имени: «А что у меня за имя? Света! Неинтересное какое-то имя, несовременное»⁴⁶. Но беглый анализ прозаических произведений показывает, что в новейшей отечественной детской литературе с этим именем какая-либо особая символика не связана, и мотив света, обыгрывающий семантику имени, остается элементом поэтики, свойственным текстам послевоенной и поздней советской эпохи.

⁴⁴ Коротков Ю. Виллиса. С. 118.

⁴⁵ Виллиса (wills) — германизированный вариант слова «вила», обозначавшего в славянской демонологии призрак умершей девушки, чаще всего невесты.

⁴⁶ Ледерман В. Уроков не будет! М., 2017.